

Copyright © 2015 by Sochi State University

Published in the Russian Federation

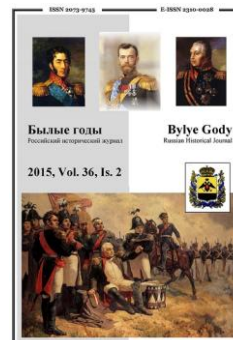
Bylye Gody

Has been issued since 2006.

ISSN: 2073-9745

E-ISSN: 2310-0028

Vol. 36, Is. 2, pp. 229-237, 2015

<http://bg.sutr.ru/>

UDC 904

Medieval Burials in Coffins at the area of Tomsk Ob Region: A Local Phenomenon or a “Mongol Trace”?

¹ Evgeny V. Vodyasov² Olga V. Zaitceva

¹ Tomsk State University, Russian Federation
634050, Tomsk Region, Tomsk, Lenin Avenue, 36
PhD (History), senior researcher
E-mail: vodiasov_ev@mail.ru

² Tomsk State University, Russian Federation
634050, Tomsk Region, Tomsk, Lenin Avenue, 36
PhD (History), associated professor
E-mail: snori76@mail.ru

Abstract

The article tells about medieval burials in wooden coffins at the area of Tomsk Ob region. These graves exclusively date to the 13th-15th centuries and there is no trace of them found in either an earlier or a later time period. This may mean that the ritual of burying the dead in a coffin had been practiced in the region for a relatively short period of time. All in all, there have been identified and described 17 medieval coffin burials. All of them stand out markedly against other graves. They come with a rich and diverse burial inventory (weapons, adornments, rare articles of art, etc.). In half of the cases, they are also accompanied by the burial of horsehide and horse tack. All this leads the author to put forth a hypothesis that the dead buried in the wooden coffins were representatives of the military elite. Such “elite” graves are known to have existed in the 13th-14th centuries across the Altai, Transbaikal, and South Urals regions, where they appeared during the period when the Mongols came into to the area. Coffin graves turning up in other regions are linked to Mongol traditions, which spread wide during the Mongol conquests in the 13th-14th centuries. So it appears that the medieval interments in coffins aren't local phenomenon in the Tomsk Ob region but the sign of “the Mongolian trail” in the history of the Region.

Keywords: Tomsk Ob Region, Middle Ages, burials in coffins, Mongolian burial ceremony.

Введение

В ходе великих монгольских завоеваний XIII века под властью ханов оказалось более половины пространств суши Евразии. Несмотря на такой размах новой империи, о монгольском периоде мы знаем почти исключительно из письменных источников. Е.Н. Черных пишет: «Если бы у нас в руках не находилась бесконечная масса письменных документов, с их стенаниями и воплями об ужасе монгольских нашествий, – то что в таком случае мы могли бы ведать об этих сотрясавших почти всю Евразию катастрофах? Полагаю, что ничего, и вот по какой причине. Монголы после покорения большей части континента почти ничего после себя не оставили – в смысле археологических источников, разумеется» [1, с. 144]. В археологической литературе возник даже особый термин «монгольский синдром» – описывающий особые трудности в отнесении тех или иных материальных свидетельств именно к монгольскому наследию [1, с. 143-145]. Все это делает поиски археологически уловимого «монгольского следа» в различных областях Евразии очень актуальными. Одним из таких регионов, испытавших на себе волны монгольских нашествий, являлась и южно-таежная зона Западной Сибири.

Исторические источники касательно захвата монголами этих земель практически ничего не сообщают. В этой ситуации единственными свидетельствами монгольского времени на территории

Западной Сибири выступают археологические источники. Несмотря на «монгольский синдром», авторы настоящей статьи убеждены, что археология далеко не всегда, но все же позволяет найти «монгольский след». Особенно это касается материалов погребальных комплексов, оставленных на территории Томского Приобья – особой переходной зоны между тайгой и степью. В этой статье мы хотели бы коснуться некоторых элементов погребального обряда, которые, на наш взгляд, являлись следствием монгольского влияния и существовали исключительно в монгольское время.

Некрополи Томского Приобья монгольского времени выделяются разнообразием внутримогильных конструкций, как на фоне предшествующей эпохи раннего средневековья, так и последующего периода (XVI–XVII вв.) [2, с. 73]. Вместителями тела покойного служили берестяные коробки, чехлы, а также деревянные рамы-обкладки, срубы, колоды и гробы.

Данная статья посвящена неисследованному ранее вопросу о времени появления и особенностях средневековых захоронений в гробах на территории Томского Приобья. Гроб является достаточно сложной конструкцией, требующей значительных трудозатрат не только по времени его сооружения, но и по изготовлению *особой категорий изделий* в виде железных крепежных деталей гроба (скобы, гвозди, накладки).

Необходимо отметить, что сами деревянные гробы сохраняются очень редко. В большинстве случаев от них остаются только металлические крепежные детали. Они не всегда могут диагностировать именно дощатый гроб, поскольку, например, скобами могли скреплять деревянные рамы-обкладки, надмогильные перекрытия и другие конструкции. В этой связи при работе с археологическими источниками мы учитывали лишь те случаи, когда ученые фиксировали остатки именно гробов на основе сохранившихся деревянных деталей либо определенного расположения множества скоб вокруг костяка по периметру погребения. Под термином «гроб» мы понимаем прямоугольную деревянную конструкцию из не менее чем шести деталей: четыре боковые стенки, дно и крышка (деревянная или берестяная). Часто при описании погребальных конструкций в литературе встречаются термины «гробовище из досок», «ящик с крышкой», «ящик-гроб», «дощатый гроб», «гроб». На наш взгляд, все эти термины для ясности понимания и унификации дальнейших описаний можно и нужно объединить в один – «гроб».

Материалы и методы

Материалами для нашего исследования стали все известные на сегодняшний день археологические источники по погребальному обряду средневекового населения Томского Приобья. За почти полтора тысячелетнюю историю изучения могильников на рассматриваемой территории исследовано более тысячи средневековых захоронений. Погребальный обряд анализировался с помощью статистических методов. В итоге остатки гробов (17 ед.) выявлены в трех могильниках: Астраханцевском, Басандайском и Усть-Малокиргизском.

В **Астраханцевском курганном могильнике** (Шегарский район Томской области, правобережье Оби) остатки гробов найдены в четырех могилах.

В погребении 2 кургана 3 умерший был положен в гроб, который снизу и сверху имел тонкие доски. Боковые и поперечные стенки сделаны из колотых бревен шириной, равной высоте гроба, и толщиной 6–10 см. Доски скреплялись железными гвоздями. К сожалению, их количество в отчете и монографии Л.М. Плетневой не указано. Размер гроба – 235 x 36 см. В нем захоронен мужчина 25 лет, головой на восток. Погребение выделяется обилием разнообразного инвентаря [2, с. 12-13, рис. 16-20], а также захоронением «шкуры» лошади (череп, передние и задние конечности).

В погребении 4 кургана 5 от гроба сохранился древесный тлен. Размер могилы 220 x 67–85 см. Умерший сориентирован головой на юго-восток. Этот комплекс особенно интересен крепежными деталями гроба в виде трех фигурно вырезанных железных накладок с крюковым сцеплением и железными заклепками для крепления к доскам [2, с. 14, рис. 25]. Накладки предназначались для крепления крышки гроба к боковым стенкам таким образом, чтобы она была подвижной.

В погребении 1 кургана 93 умерший положен в гроб головой на восток. От гроба сохранились железные скобы (их точное количество ни в монографии, ни в отчете не указано) и остатки дерева. В могиле обнаружено множество железных предметов, наконечники стрел, кресало с кремнем, тесло, сосуд [2, с. 29].

В погребении 1 кургана 127 о наличии гроба можно судить по множеству железных скоб (их точное количество в монографии, ни в отчете не указано), найденных вокруг костяка. Захоронен взрослый, вытянуто на спине, головой на северо-запад. В могиле помимо прочего инвентаря обнаружено бронзовое китайское зеркало с изображением божества Большой Медведицы [2, с. 33].

По характерному набору вещей (наконечники стрел, удила, стремяна, серьги) и их встречаемости четыре захоронения в гробах Астраханцевского курганного могильника датируются XIII–XIV вв. [2, 1997, с. 115-116].

В **Усть-Малокиргизском курганном могильнике** (территория г. Северска, правобережье Томи) остатки гробов выявлены в шести могилах.

В погребении 1 кургана 25 толщина стенок гроба составляла до 5 см. Умерший лежал головой на северо-запад. Несмотря на ограбление могилы, в ней найдены украшения, конская сбруя

(стремена и седло), а также бронзовое зеркало с изображением на обороте мифического животного [2, с. 49, рис. 119, 1].

В погребении 1 кургана 59 умерший был положен в гроб из досок головой на юго-восток. Крепежные детали представлены тремя железными скобами [2, рис. 150, 2-4], скреплявшие боковые доски с крышкой гроба. По расположению скоб примерно реконструируется размер гроба – 230–45 см. В могиле обнаружены кресало, кремь, нож, тесло, пряжка, удила, множество украшений, в том числе бронзовое зеркало с изображением павлина, вокруг которого располагаются птицы и цветы [2, рис. 152]. В ногах умершего положены череп и конечности жеребенка, что, наряду с находкам бронзовых зеркал является крайне редким случаем в Томском Приобье. Данное погребение относится к разряду «элитных» и, по мнению автора раскопок Л.М. Плетневой, принадлежит воину-всаднику [2, с. 61].

На Усть-Малокиргизском курганном могильнике особенно выделяется курган 62 как по «богатству» инвентаря, так и наибольшим количеством железных скоб в средневековых памятниках всего Приобья.

В погребении 1 гроб не сохранился, но найдено 11 железных скоб, его скреплявших [2, рис. 155, 2, 5-8]. В могиле захоронен взрослый человек, головой ориентирован на восток. Умершего сопровождал многочисленный инвентарь (орудия труда, стремяна, оружие, украшение, посуда). В ногах находились череп и конечности коня, направленного на запад.

В погребении 2 этого же кургана гроб скрепляли 12 железных скоб [2, рис. 158, 8-11]. От костяка сохранился только тлен. В могиле найдено множество вещей (палаш, 15 железных наконечников стрел, поясная гарнитура, кресало, украшения). В ногах были положены кости коня (череп с конечностями) и предметы конского убранства (удила, бронзовый султан, 2 стремени, железное кольцо, железная пряжка). Все это позволило отнести погребения кургана 62 к разряду «неординарных» и определить их как захоронения воинов-всадников [2, с. 60-61].

В погребении 1 кургана 76 остатки от гроба представлены 9 железными скобами, расположенными по продольным сторонам могилы [2, рис. 171]. Здесь похоронена женщина 20–30 лет, головой ориентирована на северо-северо-запад. Покойную сопровождали украшения, 17 железных наконечников стрел разных форм, топор-тесло, кремь [2, рис. 172-173].

В погребении 1 кургана 81 от гроба также сохранились только железные скобы [2, с. 66, рис. 180, 3]. Умершего сопровождал различный инвентарь, в том числе «шкура» лошади с предметами конского снаряжения (удила, 2 стремени, седло). Под «шкурой» подразумеваются некомплектные останки лошади (конечности и голова), которые символически заменяют целое животное, сопровождавшего умершего в загробный мир.

Все захоронения в гробах (6 ед.) на данном некрополе выделяются на фоне других богатством и разнообразием погребального инвентаря, а также наличием «шкур» лошади в ногах в пяти случаях. Датировка рассмотренных комплексов хорошо укладывается в XIII–XIV вв. [2, с. 111].

На Басандайском курганном могильнике (Томский район Томской области, правобережье Томи) сохранились остатки от 7 гробов.

В погребении 1 кургана 7 длина гроба судя по некоторым сохранившимся деревянным деталям составляла 215 x 35–42 см. Умерший ориентирован головой на север. В могиле найдены бронзовые серьги, железный крюк, тройник, кресало, кремь и сосуд. С левой стороны погребенного был положен череп и конечности лошади с удилами [2, с. 35-36].

В погребении 2 кургана 25 зафиксирован деревянный гроб из досок толщиной 1,5 см. Гроб имел дно и крышку. Умершего, лежащего головой на юг, сопровождало огромное количество предметов (более 50 различных украшений) [3, с. 101-103]. Рядом с этим богатым погребением в отдельной яме положена «шкура» лошади с удилами и стремянами.

В погребении 3 кургана 54 гроб был поставлен в могилу на камни. По мнению автора раскопок А.П. Дульзона, на наличие гроба указывают продольные доски толщиной 0,5 см вдоль стенок могилы, а также остатки днища гроба на камне и остатки крышки на левой части груди и плечевой кости [3, с. 71-72]. Умерший лежал головой на юг. В могиле помимо кресала, оселка, ножа и наконечника стелы найдено множество украшений (в том числе золотые бляшки, височные кольца, серебряные серьги, бронзовая бляха с изображением двух птиц, сердоликовые бусы и др.).

В кургане 77 обнаружено 3 захоронения в гробах.

В погребении 5 в деревянном гробу в форме ящика был похоронен ребенок, головой на юг. Вместе с умершим найдено большое количество украшений (бусы из цветного стекла, подвески из лазурита, серебра и раковин, серебряные серьги, бронзовое изображение медведя) [3, с. 43].

В погребении 6 покойник был также погребен в деревянном гробу, головой на юг. Гроб представлял собой ящик с крышкой, обернутый берестой. Когда крышка сгнила, береста продавилась и получила форму корыта [3, с. 43-44]. Инвентарь немногочислен: железный нож и кресало.

В погребении 7 зафиксирован гроб из досок толщиной около 1 см. Умерший лежал внутри гроба в берестяном чехле, головой на юг. С ним найдены бронзовые украшения, бусы, железное кресало, нож и небольшой сосуд [3, с. 44].

В погребении 1 кургана 87 зафиксирована интересная погребальная конструкция в виде берестяного сшитого чехла [3, с. 44]. Этот чехол был положен в гроб из досок, дополнительно

обернутых берестой. Затем для скрепления досок и бересты по краю гроба были проделано множество отверстий диаметром 1,5 см и на таком же расстоянии друг от друга. В эти отверстия были вставлены березовые палочки (20 штук в северной части погребения и 15 штук в южной части). В гробу похоронен мужчина, головой на юго-восток. Умершего сопровождал многочисленный инвентарь: кривая сабля, наконечники стрел, дротики, стремяна и удила, орудия труда, поясные украшения. К северо-востоку от могилы лежал череп коня, а к юго-западу – следы гризны в виде каменной выкладки и разбитым сосудом. По мнению автора раскопок, данное погребение принадлежало воину [3, с. 44]. От себя добавим, что это единственный в Томском Приобье случай сохранности органических крепежных деталей гроба.

Л.М. Плетневой представлены выше погребения Басандайского курганного могильника датированы XIII–XIV вв. [2, с. 112].

Таким образом, по представленным выше материалам мы располагаем 17 захоронениями в деревянных гробах. Остатки гроба вместе с железными крепежными деталями встречены всего в трех погребениях. Еще в одном случае вместе с гробом найдены органические крепежные элементы (березовые палочки). В шести погребениях от гроба сохранились только крепежные детали (железные гвозди, накладки, железные скобы в количестве от 3 до 12) и тлен. Еще в 7 случаях зафиксированы гробы без сохранившихся крепежных деталей.

Половозрастные определения умерших, похороненных в гробах, имеется только для 10 костяков (из-за плохой сохранности костного материала): мужчины от 25 до 50 лет – 4 случая; женщины от 20 до 40 лет – 3 случая; дети от 1 года до 7 лет – 3 случая. Таким образом, рассмотренный обряд не имеет половозрастной дифференциации.

Размеры гробов в разных могильниках, в целом, одинаковы – 220-240 см в длину и 30-50 см в ширину. Количество используемых железных скоб зависело от самой конструкции. Чаще всего доски скреплялись по всему периметру гроба (от 5 до 12 скоб), хотя иногда скобами фиксировалась только крышка гроба (от 2 до 3 скоб), а сами доски, по-видимому, скреплялись с помощью других органических материалов (деревянные скобы или гвозди, ремни, веревки и др.).

Важно, что скобы в погребальном обряде средневекового населения Томского Приобья использовались не только для строительства гробов, но и для скрепления других погребальных конструкций. Приведем здесь кратко все известные случаи.

Железные скобы в количестве от 2 до 7 ед. найдены на Астраханцевском могильнике в курганах 2, 31, 40, которые предназначались для надмогильных конструкций.

В кургане 2 могильное перекрытие из плашек, скрепленных 7 железными скобами [2, рис. 12], располагалось над тройным погребением, где обнаружен различный сопроводительный инвентарь.

Над погребением кургана 31 зафиксирована деревянная обкладка (настил), где найдены две скобы, скреплявших конструкцию с двух противоположных сторон [2, рис. 37]. В могиле захоронен ребенок 7 лет, головой на восток. С ним найдена серьга, серебряное украшение, железный и костяной наконечники стрел [2, с. 18-19].

В кургане 40 могила была перекрыта плахами. В ней найдено пять железных скоб [2, рис. 39, 2, 4-5, 7-8]. Погребенный положен головой на юго-восток-восток. С ним найдены железные и костяные наконечники стрел, железные предметы, нож, кресало и кремь [2, с. 20].

На могильнике *Шайтан-II* (Кожевниковский район Томской области, правобережье Оби) железные скобы встречены в двух погребениях. Их описания приводятся в этой работе впервые. В погребении кургана 9 зафиксирована рама-обкладка размером 240 x 56 см. От нее сохранились продольные и поперечные бревна, среди которых обнаружено 5 железных скоб (Рис. 1, 1, 3-6).

В могиле захоронен мужчина 45-60 лет, головой ориентирован на восток. Инвентарь представлен железным ножом, серебряной пустотелой пуговицей с растительным узором, бронзовым украшением в виде двух спаянных конусов и железным теслом.

В кургане 10 раму-обкладку размером 227 x 116 см скрепляли 6 железных скоб (Рис. 1, 2, 7-11). Внутри рамы обнаружен железоплавильный горн вместе с деревянной колодой, где погребен младенец. Данный сложный комплекс требует отдельного исследования.

Курганы 9, 10 датируются на основе радиоуглеродного анализа с учетом калибровки серединой XIV–XV в.

Железные скобы Томского Приобья по виду делятся на «п-образные» и «с-образные» (Рис. 1). Размер и тех, и других составляет от 3 до 7 см. По всей видимости, размер и форма скобы напрямую зависели от толщины и размера досок, которые она скрепляла.

Таким образом, железные скобы являлись универсальными крепежными деталями не только гробов, но и других различных погребальных конструкций Томского Приобья в эпоху развитого средневековья.

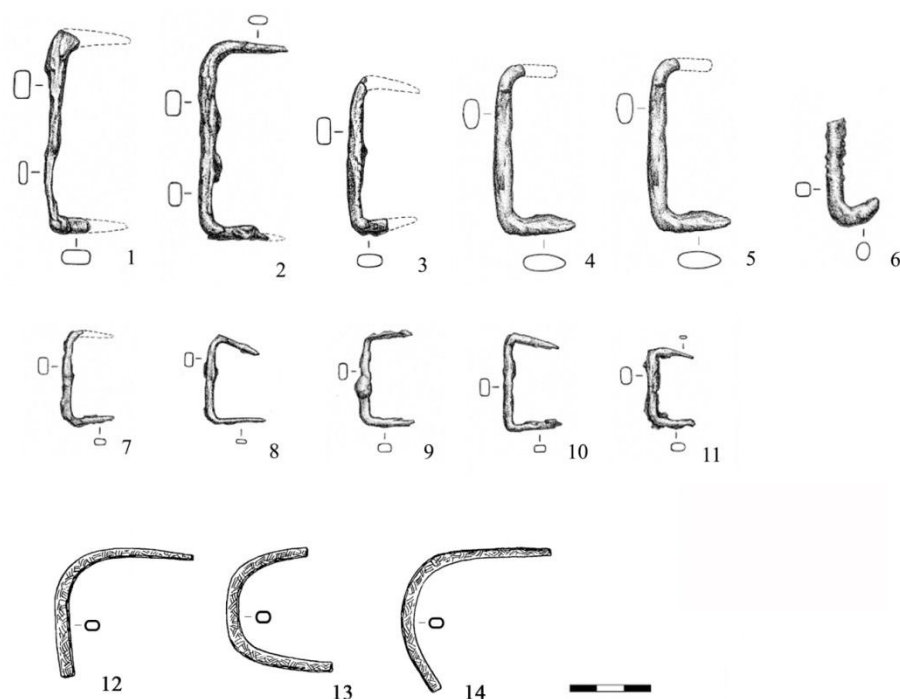

Рис. 1. Виды железных скобы Томского Приобья. 1-11 – «п-образные», 12-14 – «с-образные». (1, 3-6 – Могильник Шайтан-II. Курган 9, погребение; 2, 7-11 – Могильник Шайтан-II. Курган 10, погребение; 12-14 – по: Плетнева Л.М., 1997, рис. 158, 8-9)

Анализ археологических источников позволил сделать ряд важных выводов и выдвинуть новые гипотезы касательно времени появления, специфических черт и происхождения обряда захоронений в гробах.

Во-первых, все погребальные комплексы Томского Приобья, где обнаружены остатки гробов и/или железные скобы, появляются в монгольское время (XIII–XIV вв.). Примечательно, что в раннесредневековых погребальных памятниках I тыс. н.э. в Верхнем и Среднем Приобье ни гробы со скобами, ни отдельные железные скобы не встречены [4; 5; 6]. Нет их и в могильниках X–XIII вв. Верхнего и Среднего Приобья, Таежного Причудымья, Лесостепного и Горного Алтая [7; 8, с. 282-289; 9; 10; 11; 12]. Более того, в более поздних могильниках Томского Приобья XVI–XII вв. железные скобы также отсутствуют. *Все это позволяет выделить скобы в определенную категорию изделий, используемых в погребальной обрядности в пределах XIII–XV вв.*

При этом гробы, но уже без железных скоб, использовались в погребальном обряде в XIX–XX вв. у обских татар, чулымских тюрок, алтайцев, ханты, селькупов и многих других народов Сибири [8, с. 345, 358, 367; 13, с. 113; 14, с. 427]. Хотя нельзя исключать, что во многих традиционных культурах Сибири гробы являлись следствием христианизации, а не сохранением древних традиций, как это зафиксировано, например, у селькупов, эвенков и шорцев [8, с. 361; 14, с. 298; 15].

Касательно отсутствия железных крепежных деталей при сооружении гроба известно, что таежное население Сибири использовало в этих целях органические материалы. Например, эвены делали гроб без единого гвоздя, а доски скрепляли либо ремешками через отверстия, либо иногда заменяли железные гвозди на деревянные [16, с. 19]. Ханты р. Казым когда-то делали гроб из грубых досок, скрепленных оленьими сухожилиями [8, с. 367]. Возможно, похожими приемами в изготовлении гробов пользовались и в Томском Приобье в монгольское время, особенно учитывая, что в 7 могилах из 17 при гробах железные крепежные детали не найдены.

Во-вторых, для захороненных в гробах характерен высокий социальный статус. Большинство погребений, где фиксируются остатки гробов, содержало многочисленный инвентарь (оружия ближнего и дистанционного боя, орудия труда, поясная гарнитура, украшения, в том числе китайские бронзовые зеркала, культовые предметы и т.д.). Отметим здесь, что в 9 случаях в могилу или рядом с ней была положена «шкура» лошади вместе с предметами конского снаряжения (удила, стремяна, султаны, пряжки, седла и др.). На наш взгляд, это также свидетельствует об особом статусе умерших, поскольку захоронения со «шкурой» лошади в Томском Приобье являются значительной редкостью: известно всего 20 таких погребальных комплексов из около 500 изученных [2, с. 72; 17, с. 157].

Закономерно возникает вопрос о том, является ли эта особенность погребального обряда («элитные» захоронения в гробах) местной традицией, самостоятельно возникшей и просуществовавшей столь не долгий период, или же мы имеем дело с привнесенной традицией.

В-третьих, появление в XIII–XIV вв. дощатых гробов, скрепленных железными скобами, авторы предварительно связывают с новыми погребальными традициями, пришедшими со стороны Степи в ходе монгольских завоеваний. В рассматриваемую эпоху (XIII–XIV вв.) гроб активно использовался в погребальном обряде тюркских и монгольских племен Саяно-Алтая, Забайкалья, Монголии [18, с. 119]. Гробы, скрепленные железными скобами, известны в Горном Алтае по материалам могильника Кудыргэ. Все они относятся к монгольскому времени и датируются XIII–XIV вв. [19, с. 73]. В лесостепном Алтае, судя по материалам памятника Телеутский Взвоз-1, погребения в дощатых гробах-ящиках также относятся к монгольскому времени и наряду с другими захоронениями на этом некрополе связываются авторами с представителями монгольских племен, появившихся в Приобье в результате завоевательных операций [20, с. 102-103, 127]. По всей видимости, подобная картина прослеживается и на Южном Урале, где захоронения в гробах, сколоченных железными гвоздями, выделяются исследователем в особую группу [21, с. 114-115, рис. 16, 1]. При этом указанные захоронения в гробах (как и в Томском Приобье) чрезвычайно богаты и, по мнению Н.А. Мажитова, принадлежали привилегированному населению [21, с. 114-115], а появление такого обряда в бассейне р. Урал в XIII–XIV вв. объясняется Н.А. Мажитовым приходом сюда монгольских войск [22, с. 223].

Отметим также, что захоронения в гробах из досок, скрепленных железными скобами, встречаются на многих территориях Золотой Орды [23].

Упоминания гробов в похоронных церемониях монголов содержатся в некоторых средневековых письменных источниках. Например, в трактате Сяо Дахэна «Обычаи северных рабов» (1594 г.) указано: «Их погребальные церемонии еще более любопытны. Прежде, когда правитель рабов или тайджи умирал, у них было нечто похожее на гроб. Они клали туда вещи, такие как одежда, доспехи, шлем, которые умерший использовал при жизни, и они зарывали все это в далекой, покрытой травой степи. В день смерти они убивали всех рабов и его любимых наложниц, а также его лучшую лошадь» [24, с. 259-260].

Обнаружение следов монгольских традиций в Томском Приобье актуализирует одну из актуальных проблем исторической географии Золотой Орды – определение ее северо-восточных границ. Проблема вызвана отсутствием письменных свидетельств, четко указывающих на восточные пределы улуса Джучи. Известно лишь, что его северо-восточные земли включали так называемые «области Сибирь и Ибирь» [25, с. 236; 26, с. 73], при этом более детального описания источники не содержат. Некоторые исследователи в качестве северо-восточного рубежа улуса Джучи называют Барабинскую лесостепь [27; 28]. Однако ее площадь составляет более 100 тыс. кв. км, а протяженность с запада на восток – более 1000 км, поэтому обозначенные таким образом границы государства выглядят крайне расплывчатыми.

Касательно региона Томского Приобья, граничащего на западе с Барабинской степью, необходимо указать работу А.В. Матвеева и С.Ф. Татаурова [29], в которой на основании письменных и археологических источников Томское Приобье названо восточной границей Сибирского ханства, являвшегося, по сути, «наследником» сибирских владений Золотой Орды после ее распада. А.А. Тишкин считает, что Верхнее Приобье в XIII в. вошло в состав улуса Джучи, но его присоединение, в отличие от Алтае-Саянского нагорья, проходило мирным путем, в результате чего произошло объединение всех кочевых племен, проживавших в степях от Волги до Оби [30, с. 5-6]. Ю.С. Худяков полагает, что отряды Джучи покорили «лесные» народы Верхнего Приобья в результате северного похода в 1218 г. [31, с. 92].

Отдельным перспективным направлением в попытках установить границы улуса Джучи является выявление мусульманских захоронений, которые отражают распространение ислама на обширных пространствах империи. Ранее авторы настоящей статьи выявили в правобережье Оби около 50 мусульманских погребений XIII–XV вв., что стало основой гипотезы о мощном политическом и культурном влиянии Золотой Орды на территорию Верхнего Приобья [32]. Примечательно, что время проникновения ислама в Томское Приобье совпало с появлением обряда «элитных» захоронений в гробах. Это совпадение может служить дополнительным весомым аргументом в пользу версии о том, что на определенном историческом этапе регион Томского Приобья мог входить в состав сибирских владений Дешт-и-Кыпчака.

Заключение

Анализ погребальных комплексов Томского Приобья и сопредельных территорий позволяет выдвинуть ряд гипотез. Железные скобы, обнаруженные в могилах, следует выделить в особую категорию изделий, используемых при сооружении гробов. Датировка железных скоб не выходит за рамки XIII–XV вв. Этим же временем датируется появление и относительно недолгое существование в Томском Приобье погребальной традиции укладывать умерших в гроб, скрепленный скобами. На наш взгляд, данный погребальный обряд связан с монгольскими традициями, распространившимися на территории Дешт-и-Кыпчака в ходе непосредственного продвижения монгольских войск. Наличие в большинстве рассматриваемых погребений различного «элитного» инвентаря и «шкуры» лошади дают все основания отнести их к захоронениям людей, имевших высокий социальный статус, вероятнее всего, представителей военной знати. Таким образом,

средневековые захоронения в гробах являются не локальным феноменом для Томского Приобья и не имеют местных истоков, а указывают на «монгольский след» в истории этого региона.

Благодарности

Статья подготовлена в рамках научного проекта, выполненного при поддержке Программы «Научный фонд им. Д.И. Менделеева Томского государственного университета» в 2015 г.

Примечания:

1. Черных Е.Н. Степной пояс Евразии: Феномен кочевых культур. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 624 с.
2. Плетнева Л.М. Томское Приобье в начале II тыс. н.э. (по археологическим источникам). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1997. 350 с.
3. Басандайка: Сб. материалов и исследований по археологии Томской области / К. Гриневич, А. Дульзон, Г. Трухин и др. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1948. 220 с.
4. Чиндина Л.А. Могильник Релка на Средней Оби. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1977. 193 с.
5. Беликова О.Б. Памятники Томского Приобья в V–VIII вв. н.э. / О.Б. Беликова, Л.М. Плетнева. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1983. 245 с.
6. Троицкая Т.Н. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье / Т.Н. Троицкая, А.В. Новиков. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1998. 152 с.
7. Матющенко В.И. Еловский курганный могильник-1 эпохи железа / В.И. Матющенко, Л.М. Старцева // Труды ТГУ. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1970. Т. 206. С. 152-174.
8. Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т 2. Мир реальный и потусторонний / В. Матющенко, Т. Троицкая, В. Кулемзин и др. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1994. 475 с.
9. Беликова О.Б. Среднее Причулымье в X–XIII вв. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1996. 272 с.
10. Адамов А.А. Новосибирское Приобье в X–XIV вв. Тобольск; Омск: ОмГПУ, 2000. 256 с.
11. Могильников В.А. Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–XI веках. М.: Наука, 2002. 362 с.
12. Савинов Д.Г. Верхнее Приобье на рубеже эпох (басандайская культура) / Д.Г. Савинов, А.В. Новиков, С.Г. Росляков. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. 424 с.
13. Томилов Н.А. Очерки этнографии тюркского населения Томского Приобья. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1983. 216 с.
14. Тюркские народы Сибири / отв. ред. Д.А. Функ, Н.А. Томилов. М.: Наука, 2006. 678 с.
15. Боброва А.И. Влияние христианства на погребальную обрядность коренного населения Среднего Приобья // Смена культур и миграции в Западной Сибири / Отв. ред. Л.М. Плетнева. Томск: Изд-во ТГУ, 1987. С. 116-118.
16. Варавина Г.Н. Традиционные обряды в современных обрядах эвенков Якутии (на примере погребального обряда) // Древние и средневековые кочевники Центральной Азии: сборник научных трудов / Отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Азбука, 2008. С. 18-21.
17. Плетнева Л.М. Захоронение коня и конского снаряжения в могильниках басандайской культуры // Интеграция археологических и этнографических исследований: сборник научных трудов. Часть 1. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2010. С. 156-160.
18. Николаев В.С. Погребальные комплексы кочевников юга Средней Сибири в XII–XIV веках: усть-талькинская культура. Владивосток; Иркутск: Изд-во Ин-та географии СО РАН, 2004. 306 с.
19. Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М., Л.: Наука, 1965. 110 с.
20. Тишкин А.А. Курганный могильник Телеутский Взвоз-I и культура населения Лесостепного Алтая в монгольское время / А.А. Тишкин, В.В. Горбунов, А.А. Казаков. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. 276 с.
21. Мажитов Н.А. Южный Урал в VII–XIV вв. М.: Наука, 1977. 240 с.
22. Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1981. Т. 18. 304 с.
23. Васильев Д.В. Мавзолей Золотой Орды: географический обзор и опыт типологизации // Ученые записки Астраханского государственного университета. Астрахань: ИД «Астраханский университет», 2003. С. 110-119.
24. Рыкин П.О. Концепция смерти и погребальная обрядность у средневековых монголов (по данным письменных источников) // От бытия к инобытию: Фольклор и погребальный ритуал в традиционных культурах Сибири и Америки: Сборник статей / Отв. ред. Ю.Е. Березкин, Л.Р. Павлинская. СПб., 2010. С. 239-301.
25. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб., 1884. Т. 1. 563 с.
26. Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 1. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 316 с.
27. Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 2010. 248 с.
28. Бустанов А.К. Западная Сибирь под властью ордынских правителей (династический аспект) [Электронный ресурс]. – URL: <http://archeologia.narod.ru/bustanov.htm> (дата обращения: 22.05.15).

29. Матвеев А.В. К вопросу о восточных границах сибирского ханства / А.В. Матвеев, С.Ф. Татауров // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 4 (24). С. 78-82.
30. Тишкин А.А. Алтай в Монгольское время (по материалам археологических источников). Барнаул: Азбука, 2009. 208 с.
31. Худяков Ю.С. Контакты тюркских и монгольских кочевников с народами таежных районов Сибири в эпоху развитого средневековья // Уральск. ист. вестн. 2011. № 2. С. 88-94.
32. Olga V. Zaitceva, Evgeny V. Vodyasov. Spread of Islam in the North-Eastern Periphery of the Golden Horde in the Light // Rossiysky Istorichesky Zhurnal (Russian Historical Journal) Bylye Gody. 2014. № 34 (4). P. 504-509.

References:

1. Chernyh E.N. Steppe zone of Eurasia: The phenomenon of nomadic cultures. M.: Manuscripts of ancient Russia, 2009. 624 p.
2. Pletneva L.M. Tomsk Ob Region at the beginning of the II millennium AD (on the archaeological data). Tomsk: Publishing House of the TSU, 1997. 350 p.
3. Basandayka: Collection of materials and research in the archeology of the Tomsk Oblast / K. Grinevich, A. Dul'zon, G. Truhin i dr. Tomsk: Publishing House of the TSU, 1948. 220 p.
4. Chindina L.A. The burial ground Relka on the Middle Ob. Tomsk: Publishing House of the TSU, 1977. 193 p.
5. Belikova O.B. Archaeological sites in Tomsk Ob Region in V-VIII centuries BC / O.B. Belikova, L.M. Pletneva. Tomsk: Publishing House of the TSU, 1983. 245 p.
6. Troickaja T.N. Verhneobskaja culture in Novosibirsk Ob Region / T.N. Troickaja, A.V. Novikov. Novosibirsk: IAJeT SO RAN, 1998. 152 p.
7. Matjushhenko V.I. Elovskij burial ground-1 of Iron Age / V.I. Matjushhenko, L.M. Starceva // Proceedings of the Tomsk State University. Tomsk: Publishing House of the TSU, 1970. T. 206. P. 152-174.
8. Essays on cultural genesis of the peoples of Western Siberia. Volume 2. The real world and otherworldly / V. Matjushhenko, T. Troickaja, V. Kulemzin et al. Tomsk: Publishing House of the TSU, 1994. 475 p.
9. Belikova O.B. Middle Chulym River Region in X-XIII cc. Tomsk: Publishing House of the TSU, 1996. 272 p.
10. Adamov A.A. Novosibirsk Ob Region in X-XIV cc. Tobol'sk; Omsk: OmGPU, 2000. 256 p.
11. Mogil'nikov V.A. Nomads in northwestern foothills of the Altai in IX-XI cc. M., 2002. 362 p.
12. Savinov D.G. Upper Ob Region at the turn of epochs (basandajskaja culture) / D.G. Savinov, A.V. Novikov, S.G. Rosljakov. Novosibirsk: IAJeT SO RAN, 2006. 424 p.
13. Tomilov N.A. The ethnographic essays of the Turkic people of Tomsk Ob Region. Tomsk: Publishing House of the TSU, 1983. 216 p.
14. Turkic people of Siberia / Editor. Ed. D.A. Funk, N.A. Tomilov. M.: Science, 2006. 678 p.
15. Bobrova A.I. The influence of Christianity on the funeral rites of native population of the Middle Ob // Change of cultures and migration in Western Siberia / Editor. Ed. L.M. Pletneva. Tomsk: Publishing House of the TSU, 1987. P. 116-118.
16. Varavina G.N. Traditional rituals in modern rites Evens of Yakutia (case study of funeral ceremony) // Ancient and medieval nomads of the Central Asia: a collection of scientific papers / Editor. Ed. A.A. Tishkin. Barnaul: ABCs, 2008. P. 18-21.
17. Pletneva L.M. Burial horse and horse equipment in the cemeteries of basandayskaya culture // The integration of archaeological and ethnographic research: collection of scientific papers. Part 1: Kazan Institute of History them Sh. Mardzhani Tajik Academy of Sciences, 2010. P. 156-160.
18. Nikolaev V.S. Funerary nomad complexes of south of Central Siberia in the XII-XIV cc.: Ust-talkinskaya culture. Vladivostok; Irkutsk: Publishing House of the Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences, 2004. 306 p.
19. Gavrilova A.A. The burial ground Kudyrge as a source on the history of Altaic tribes. M., L.: Science, 1965. 110 p.
20. Tishkin A.A. Burial mound Teleut vzvoz-I and culture of the Altai Forest-Steppe population in the Mongolian time / A.A. Tishkin, V.V. Gorbunov, A.A. Kazakov. Barnaul: Publishing House of the Alt. University Press, 2002. 276 p.
21. Mazhitov N.A. Southern Urals in VII-XIV cc. M.: Science, 1977. 240 p.
22. Eurasian steppes in the Middle Ages. M.: Science, 1981. Volume 18. 304 p.
23. Vasiliev D.V. Mausoleums of the Golden Horde: geographical survey and experience typology // Scientific notes of Astrakhan State University. Astrakhan: ID "Astrakhan University", 2003. P. 110-119.
24. Rykin P.O. The concept of death and burial rites of the medieval Mongols (on the written sources) // From being to otherness: Folklore and funerary ritual in traditional cultures of Siberia and America: Collection of Articles / Editor. Ed. Y.E. Berezkin, L.R. Pavlinskaya. SPb., 2010. P. 239-301.
25. Tizengauzen V.G. The collection of materials relating to the history of the Golden Horde. SPb., 1884. T. 1. 563 p.

26. Rashid ad-Din. Collection of Histories. 1. T. KH. 1. M, L. : Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1952. 316 p.
27. Egorov V.L. Historical Geography of the Golden Horde in XIII-XIV centuries. M. : KRASAND, 2010. 248 p.
28. Bustanov A.K. Western Siberia under the authority of the rulers of the Horde (dynastic aspect) [electronic resource]. - URL: <http://archeologia.narod.ru/bustanov.htm> (date of treatment: 22.05.15).
29. Matveev A.V. To a question on the eastern borders of the Siberian Khanate / A.V. Matveev, S.F. Tataurov // Bulletin of Tomsk State University. History. 2013. № 4 (24). S. 78-82.
30. Tishkin A.A. Altai in Mongolian time (based on archaeological sources). Barnaul, 2009. 208 p.
31. Khudyakov Y.S. Contact of Turkic and Mongolian nomads with the peoples of the taiga regions of Siberia in the Middle Ages // Uralsk. East. Vestnik. 2011. № 2. pp 88-94.
32. Olga V. Zaitceva, Evgeny V. Vodyasov. Spread of Islam in the North-Eastern Periphery of the Golden Horde in the Light // Rossiyskiy Istoricheskiy Zhurnal (Russian Historical Journal) Bylye Gody. 2014. № 34 (4). P. 504-509.

УДК 904

**Средневековые захоронения в гробах на территории Томского Приобья:
локальный феномен или «монгольский след»?**

¹ Евгений Вячеславович Водясов

² Ольга Викторовна Зайцева

¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет, Российская Федерация
Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
E-mail: vodiasov_ev@mail.ru

² Национальный исследовательский Томский государственный университет, Российская Федерация
Кандидат исторических наук, доцент
E-mail: snori76@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается феномен средневековых захоронений в деревянных гробах на территории Томского Приобья. Эти захоронения датируются исключительно XIII–XV вв., и не известны ни в более раннее, ни в более позднее время. Таким образом, обряд укладывать умерших в гроб существовал здесь относительно недолгое время. Всего выявлено и описано 17 средневековых погребений в гробах. Все они резко выделяются на фоне остальных захоронений. Им сопутствует богатый и разнообразный погребальный инвентарь (оружие, украшения, редкие предметы искусства и др.). В половине случаев они также сопровождаются захоронением «шкур лошади» и конским снаряжением. Всё это позволяет выдвинуть гипотезу о том, что умершие, захороненные в деревянных гробах, являлись представителями воинской знати. Подобные «элитные» захоронения в гробах известны в XIII–XIV вв. на Алтае, Забайкалье, Южном Урале, где они появились во время прихода туда монгольских войск. Появления захоронений в гробах в других регионах связываются с монгольскими традициями, которые широко распространились в ходе монгольских завоеваний XIII–XIV вв. Скорее всего, средневековые захоронения в гробах являются не локальным феноменом для Томского Приобья и не имеют местных истоков, а указывают на «монгольский след» в истории этого региона.

Ключевые слова: Томское Приобье, Средневековье, захоронения в гробах, монгольский погребальный обряд.